

А.В. Витол (Санкт-Петербург)

ИНОСТРАННОЕ ВЛИЯНИЕ В ТУРЕЦКОЙ АРМИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Вполне закономерно, что европейцы — авторы работ о Турции — издавна уделяли большое внимание военной организации, устройству и состоянию которой отражали не только уровень боеспособности армии, но и объясняли многие стороны внутренней жизни государства, что позволяло выстраивать сравнительно простую и удобную для понимания модель функционирования общества в целом.

После поражений XVII в. — в том числе и под Веной в 1683 г. — и заключения Карловицких договоров в 1699 г. появились новые оценки боеспособности турецкой армии. Многие оценки были явно занижены; и все более привычной становилась картина упадка и разложения военной и государственной системы. Различные проекты раздела османских владений (они существовали и раньше) в это время начинают встречаться все чаще¹.

Напомним, что военное противостояние европейских стран и Османской империи никогда не носило «абсолютного» характера, как никогда не было единого фронта «христианских» держав против нее. То или иное из соперничающих между собой европейских государств оказывало Турции дипломатическую или иную поддержку. Более строгими ограничениями (в том числе и папскими) была связана военная поддержка, но и она имела место в форме поставок «стратегических товаров»: свинца и других металлов, пороха и компонентов для его изготовления, холодного и огнестрельного оружия, деталей металлической оснастки для судов. Австрийский полководец и военный теоретик Раймунд Монтекукколи писал в своих мемуарах, что турецкая артиллерия (кроме

крупных калибров) многочисленна и изготовлена самими турками, но в случае ее нехватки пушки и мортиры покупали «у англичан, у голландцев, у французов, у швабов»². Продажа орудий и других товаров военного назначения в достаточной степени контролировалась правительствами, хорошо представлявшими, против кого они будут использованы.

Не было недостатка и в иностранных инструкторах. Свои услуги предлагали французы, жители итальянских городов, германцы, венгры, испанцы. Европейские авторы писали о значительных контингентах христиан в турецкой армии в XV—XVI вв. (время так называемого турецкого страха). Упомянутый Р. Монтекукколи сообщал, что в XVII в. «ренегатов» у турок «великое множество», в том числе много «инженеров и пушкарей»³. Иностранцы (в большинстве своем христиане) иногда сохраняли свое вероисповедание, но высоких постов не занимали.

Первый постоянный посол России в Турции в 1702–1714 гг. П.А. Толстой сообщал, что «бомбардиры и пушкарники и инженеры» в турецкой армии — представители разных народов, хотя большей частью из «природных турок», но есть и из других народов, как, например, «христоотступники из народа французского и итальянского». Посол сообщал, что турки учатся «практикою, а не по школам», и у него нет сведений о намерениях турок завести школы военной науки. Далее А.П. Толстой пишет, что турки подвергают испытанию того или иного ренегата, что было вполне естественно. Но если им кажется что-то непонятно, то такого претендента «уничужают и хулят», а свою науку держат по «древнему обычаю». В прошлой войне (то есть в сражениях со «Священной лигой») те христиане, которые были на турецкой службе, использовались как бомбардиры, инженеры и капоиры, а большинство их было из Франции, но после войны таковых осталось мало, а некоторые перешли в ислам и отправлены в пограничные гарнизоны⁴.

Отметим сообщение А.П. Толстого о каком-то «бедном человеке», который приехал из Фландрии, а до того служил инженером в Венеции. Этот человек, несмотря на нищету и преклонный возраст, не отказался от христианской веры (то есть он не вполне «ренегат») и дает туркам полезные советы по военному делу (за это они его как-то поддерживают материально), но турки не желают у него регулярно учиться и довольствуются лишь небольшим объемом сведений, чем тот, который могли бы получить у него.

Этот ответ П.А. Толстого на XII «тайную» статью⁵ – свидетельство того, что в России не без основания предполагали, что к мерам по усилению армии может прибегнуть и Турция⁶: при огромных людских и материальных ресурсах этой страны ее поражение от коалиции европейских держав могло (а пожалуй, и должно было) послужить стимулом для обновления и реванша. Однако в первые годы XVIII в. этого еще не произошло, а затем реальностью стало Полтавское сражение, после чего Турция получила «военного преподавателя» высочайшего класса – шведского короля Карла XII, неудачно завершившего свой «русский поход» (1708–1709) во владениях Турции.

Пребывание Карла XII в Турции – поистине целый «университет» для международной политики Порты – хотя король предлагал ей больше. Карл XII и его окружение много сделали для вовлечения Турции в новую войну против России. Австрийский посол Леопольд фон Тальман сообщал в сентябре 1710 г., что весной следующего года султан (Ахмед III) намеревается отправиться из Адрианополя в Силистру на Дунае, чтобы ближе осмотреть будущий театр военных действий, воодушевить турецкую армию, которую поведут на Москву великий везир и шведский король. Великий везир (садразам), по сообщению Тальмана, заявил, что он не мог бы сыскать лучшего командующего, нежели шведский король, который достаточно ожесточен против московитов, знает их и немало имел с ними дел за последние 10 лет⁷.

Л. Тальман, который последовательно проводил политику поддержки России, выражал опасение, что если турецкие войска под шведским руководством «переймут европейские правила ведения войны, оттоманская держава вновь окажется страшной опасностью для христианства»⁸.

Вопрос П.А. Толстому (возможно, он исходил от самого Петра I) в каком состоянии находится обучение бомбардиров и пушкарей в Турции, кто их обучает и есть ли соответствующая школа – оказался провидческим. Такая школа действительно была создана, а основателем ее стал знаменитый искатель приключений («авантюрист») и военный деятель XVIII в. Александр Клод де Бонневаль (1675–1747). Российский читатель имел представление о знаменитом французе еще при его жизни из публикаций в «Санкт-Петербургских ведомостях» и из его «мемуаров», изданных на русском языке. Позже о Бонневале писал Христофор Манштейн и

Х.А. Минних, принц де Линь и другие. Несколько раз упоминал о нем С.М. Соловьев. В конце XIX в. вышла небольшая монография французского историка А. Вандаля. В XX в. монографию о знаменитом «мстителе» венскому двору за нанесенную обиду подготовил австрийский историк Х. Бенедикт. В настоящем сообщении считаю целесообразным особо подчеркнуть заслугу профессора Повороссийского университета А.А. Кочубинского, издавшего в 1899 г. блестящую монографию «Граф А.И. Остерман и раздел Турции»⁹, в которой широко использовались материалы архива министерства иностранных дел (теперь АВПРИ) и около 40 раз упоминается Бонневаль. Благодаря А.А. Кочубинскому исследователи внешней политики России первой половины XVIII в. имеют возможность брать за основу многоцветную картину того времени, созданную отечественным исследователем.

Коротко о знаменитом французе. Александр Клод де Бонневаль родился в провинции Лимузен в дворянской семье. Многие считают, что его независимый и своенравный характер определился благодаря тому, что он был дальним родственником Бурбонов. Он рано и успешно начал служить сначала во флоте, потом – в королевской гвардии, принял участие в войне за Испанское наследство. Из-за ссоры с генеральным контролером Шамильяром (1705) ему пришлось бежать в нейтральную Венецию. Бонневаль, как уже опытного военного, охотно принял на службу принц Евгений Савойский (1663–1736) – австрийский главнокомандующий, который в молодости был обижен Людовиком XIV. На австрийской службе уникально одаренный Бонневаль проявил себя как способный инженер, изобретатель механизмов для подъема воды, очистки русла реки и так далее¹⁰. Но главное – его воинские таланты, что особенно проявилось во время войны Австрии с Турцией в 1716–1718 гг. Битва под Петероварадином (решающая для этой кампании) была выиграна благодаря его умению и мужеству: его отряд пробился сквозь густую массу янычар. После этого имя Бонневала приобрело общеевропейскую известность, что позволило его сторонникам во Франции добиться прощения его дезертирства. Оставаясь на службе в Вене, Бонневаль из-за нового конфликта в Австрийских Нидерландах (Бельгия) был осужден на годичное заключение в замке Шпильберг (в Моравии). После освобождения он какое-то время живет в Венеции, где занимается составлением планов мщения Австрии. Планы расчленения Австрии предполагали заключе-

ние союзного договора между Францией и Турцией; боевые действия должны были сочетаться с восстаниями против Вены в Венгрии, Трансильвании, Валахии и других регионах. На этих территориях предполагалось создать особое вассальное княжество под верховенством султана¹¹. Отметим, что этот «проект» отражал некоторые реалии антиавстрийского движения. Другие подобные «мысленные эксперименты» относились, скорее, к области фантазий на международную тему (завоевание Палестины, например, а уже опираясь на Турцию — поход турецких войск в Индию и так далее).

Судя по содержанию известных нам «проектов» Бонневалья, с этого момента он вновь служил своему «первому отечеству» — Франции — и кажется, даже имел французский паспорт. Австрийские агенты начинают его преследовать; возникает угроза для его жизни. После неудачных попыток найти достойную его службу в разных странах, он принимает решение искать продолжения своей карьеры в Турции. В 1728 г. Бонневаль приезжает в Рагузу (Дубровник), а затем в главный город турецкого пограничного папалыка Боснии — Сараево. Здесь начинается последний, турецкий период его жизни. Угроза для его жизни сохранялась и на турецкой территории, а потому он решил принять ислам. Он становится «Ахмед-пашой» (турки оценили его прежний военный опыт достаточно высоко). Около двух лет турецкие власти удерживали репегата в Боснии, где он в поисках приложения своей энергии исследовал рудные запасы страны и, хотя обнаружил лишь истощившиеся золотые жилы, открыл угольные пласты, чем воспользовались в будущем его враги австрийцы уже после Берлинского конгресса 1878 г.¹²

Бонневаль пытался заслужить доверие не только султанской верхушки, но и французской дипломатии. В 1728 г. (до 1741) новым французским послом стал маркиз де Вильнев, с деятельностью которого связывают особые успехи Франции в Турции, в том числе и заключение «вечных» капитуляций 1740 г. Бонневаль, которого не случайно называли «приводной пружиной» политики Вильнева в Турции, поддерживал тесные контакты с послом, но все это делалось тайно, не афишировалось, а были и периоды значительного охлаждения.

Бонневалю разрешили приехать в Стамбул уже при новом султани Махмуде I (1730–1754). Было известно, что он будет зани-

маться обучением корпуса бомбардиров, то есть назначили его на должность Хумбараджи-баши¹³ — «начальника [корпуса] бомбардиров».

Итак, бывшего французского и австрийского генерала допустили (правда, в мусульманском облачении) в «святая святых» турецкой армии — ее командный состав. В начале своей деятельности Бонневаль берет за обучение около 1000 человек (400 были из столичного гарнизона, 300 — из Боснии, остальные из разных мест). Это подразделение называли в европейских странах «ротой Бонневалья». Каждый день он переправлялся через Босфор в Скутари (Ускюдар — азиатская часть Стамбула), где размещались (подальше от глаз янычар) казармы его «роты». На плацу проходило обучение новобранцев различным «артикулам»: впервые наблюдатели видели турок, ходивших строем, выполнявших различные повороты и перестроения. Предполагалось, что подготовленные Бонневалем бомбардиры (артиллеристы) станут инструкторами или даже офицерами. Бонневаль настоял, чтобы его солдаты были одеты одинаково. От планов одеть их в прусскую форму отказались и остановились на сочетании турецкой одежды с элементами европейской».

В обучении солдат Бонневалю помогали иностранцы-европейцы из числа тех, кто был вместе с ним еще в Боснии или приехал потом. Занятия на плацу проходили открыто, артиллерийские учения — подальше от посторонних глаз.

Бонневаль занимался с турками энергично, и обучение постепенно продвигалось. Считается, что он научил турок маневрировать в рассынном строю, улучшил турецкую артиллерию. По его указанию часть пехоты была вооружена длинными пиками для отражения атак конницы. Возможно, благодаря ему в турецкой армии появились штыки.

Обучение турецкого подразделения на новый лад продвигалось, но Бонневаль был недоволен своим положением. Он рассчитывал стать военно-политическим советником при Порте. В АВНРИ хранится немало копий его «записок» — аналитических докладов по вопросам внешней политики и военной стратегии — они еще ждут своих исследователей.

«Звездный час» Бонневалья пришел с началом новой войны Турции с Австрией¹⁴. Опыт и советы бывшего генерала австрийской армии и героя сражения при Петероварадине оказались востре-

бованными в высшей степени. Более того, именно Бонневаль в эту критическую минуту и «был спасителем Турции, настояв на оборонительной войне против России, приберегая силы для Запада», — пишет А.А. Кочубинский¹⁵. Несмотря на некоторые периоды охлаждения в отповеннях Бонневалья и Порты (на недолгое время он был даже отправлен в ссылку в Кастамону) и попытки поменять своих покровителей¹⁶, он остался «Хумбараджи-пашой» до своей кончины в 1747 г. По-видимому, его артиллерийская школа в какой-то форме продолжала существовать (точных данных пока нет), но в связи с тем, что Турция выиграла войну с Австрией и успешно завершила войну с Россией в конце 30-х гг. XVIII в., тема модернизации турецкой армии отступила на второй план.

Бонневалья еще в XIX в. помнили в Турции как одного из тех, благодаря кому турецкое оружие победило Австрию в 1739 г. и поквиталось с ней за поражения последних десятилетий. Его могила на кладбище в Перб (район Стамбула) была местом частого посещения турками и «паломничества» любопытствующих иностранцев¹⁷. Надпись на памятнике воспевае его переход в ислам и призывает верующих почтить память «Ахмеда-паши, начальника бомбардиров, чтением первых стихов Корана»¹⁸.

Завершая рассказ об А.К. де Бонневале, можно напомнить, что «демонический враг России» (как называл его А.А. Кочубинский), который, однако, намеревался перейти на русскую службу, оставил свой след в истории Франции, Австрии, Бельгии и Боснии, но ярче всего в истории Турции, где в XVIII в. он стал военно-политическим «просветителем», а его мятежный характер нашел последнее применение на мусульманском «полюсе» Европы.

Подводя итоги в целом, следует отметить, что в первой половине XVIII в. иностранное военное влияние на Турцию усилилось, что непосредственно связано с таким явлением, как модернизация (или европеизация) страны, а иностранные проекты и деятельность А.К. де Бонневалья — зримое воплощение этих тенденций, еще не отчетливо наблюдаемых в это время.

¹ [Толстой П.А.] Русский посол в Стамбуле Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. М., 1985. С. 103.

² Эта статья — одна из 16 инструкций-вопросов для его работы в Турции. Приводим ее полностью: «Бомбандиры, пушкеры в прежнем ли состоянии или учат вновь и кто учит, какова парода, и старые инженеры бомбандиры иноземцы ли или их, и школа есть ли» // [Толстой П.А.]. Указ. соч. С. 102.

³ Возможно, что информация о деятельности иностранных военных специалистов в Турции уже имелась. В самой же России артиллерийским школам уделялось огромное внимание. В дополнение к действующим в Москве открывались новые в Санкт-Петербурге. — См.: «300 лет военной истории Санкт-Петербурга [под ред. генерала В.С. Бобрышева]. СПб., 2003 г. С. 375. По этой теме см. также: Витол А.В. Османская империя и преобразования Петра I в России (военный аспект) // Геополитика и безопасность. 1995. № 3. С. 147-150.

⁴ [Тальман Л.]. Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата). Перевод и введение В.Е. Шутого. М., 1977. С. 86.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ Полное ее название: Граф А.И. Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет. 1735—1739. Одесса, 1899. А.А. Кочубинского знают как известного слависта. По разным причинам книга об А.И. Остермане недостаточно оценена историками.

⁷ H. Benedikt. Der Pascha-Graf Alexander von Bonneval 1675—1747. Graz-Köln, 1959. S. 77.

⁸ «Один из авантюристов прошлого века» // Исторический вестник. 1888. Т. 33. С. 644. Автор обозначен как П. М. — возможно, это Петр Михайлович Майков, архивист и историк.

⁹ «Один из авантюристов прошлого века». С. 645.

¹⁰ Или Кумбараджи-паши (от тур. «Kumbara» — разрывная граната).

¹¹ О ее начале см.: Витол А.В. Османская империя и международные отношения в 1718—1735 гг. // Османская империя (государственная власть и социально-политическая структура). М., 1990. С. 315.

¹² Кочубинский А.А. Граф А.И. Остерман. С. 139.

¹³ Были моменты, когда из-за конфликтов с турецкими властями и французскими дипломатами Бонневаль намеревался перейти на русскую службу.

¹⁴ H. A. R. Gibb and H. Bowen. Islamic society and the West. Vol. I. Oxford, 1950. P. 187-188.

¹⁵ «Один из авантюристов прошлого века». С. 641.

¹ T.G. Djuvara. Cent projets de partage de la Turquie (1281—1913). P., 1914.

² [Монтекукколи]. Записки Раймунда графа Монтекукколи. М., 1760. С. 275.

³ Там же. С. 273.